

П. Е. Сорокин

О СОХРАНЕНИИ НИЕНШАНЦА

Санкт-Петербург затмил своим величием все то, что происходило в устье Невы до его основания. Однако, несмотря на то что древняя история этих земель не оставила в мировой истории и культуре столь значимого следа, какой оставил после себя Санкт-Петербург за три столетия своего существования, в прошлом Приневья имеется немало событий, сыгравших важную роль в истории Руси и России.

Город Ниен и крепость Ниеншанц возникли в первой половине XVII века на месте шведской Ландскроны и русского Невского устья и унаследовали многое из прошлого этих земель. История поселений в устье реки Охты берет свое начало с эпохи неолита.

В ходе Русско-шведской войны в 1611 году в устье реки Охты по распоряжению шведского короля Карла IX была сооружена крепость Ниеншанц, в русском языке получившая название Канцы. Первые привилегии на основание города Ниена вблизи крепости были даны в 1632 году королем Густавом II Адольфом¹.

Карты и планы Ниеншанца XVII столетия зафиксировали следующую картину — земляная цитадель располагалась на мысу между Невой и Охтой. Город находился напротив крепости, на правом берегу Охты. В 60-е годы вся городская застройка была обнесена внешней линией укреплений. Однако поддерживать их в боеспособном состоянии маленькому городу было обременительно, и вскоре они пришли в негодность. Позднее, начиная с 1670-х годов, возникали планы переноса всей городской застройки

на мыс под защиту новых крепостных укреплений. Но эти планы также не были реализованы из-за нехватки средств².

Только с началом Северной войны в 1700 году начались работы по приведению крепости в боеспособное состояние. Но и эти работы велись преимущественно силами гарнизона и местного населения, что делало их малоэффективными.

Взятие Ниеншанца означало возвращение России выхода к Балтийскому морю, что имело не только экономическое, но и важнейшее политическое значение. В честь этого события была изготовлена памятная медаль, а также специальные гравюры.

Шведское командование не хотело мириться с утратой Невы. В том же 1704 году, когда Россия праздновала годовщину возвращения в Балтику, шведский корпус под командованием Майделя вновь предпринял попытку закрепиться в устье Охты. Происходило это в начале августа. Подойдя с севера к побережью Невы, Майдель оставил в лесу, у Выборгской дороги, в версте от Ниеншанца, свои заставы. Шведские парламентарии, направленные в Петербург, потребовали сдать город. Однако комендант крепости Брюс, усмотревший в этом обманный маневр, сразу же выступил с войсками в сторону Ниеншанца по левому берегу Невы. Он соорудил батареи на месте, где был «старый окоп», вероятно, вблизи Спасского. Ночью 6 августа 1704 года шведы, подойдя к Охте, стали готовить батарею за бастионом Ниеншанца, который еще не был razoren. После переправы на место старой крепости они лишь несколько дней простояли на ее развалинах и 9 августа отступили по Корельской дороге. Брюс, переправившись на правый берег Невы, обнаружил в устье Охты несколько порубленных плотов и убедился, что его обстрел нанес шведам урон³.

Было очевидно, что возвращение шведами Ниеншанца, хотя и разрушенного, повлекло бы за собой прямую угрозу для существования Санкт-Петербурга. Удобное положение на пересечении водного пути и магистральной дороги, связывавшей Ижорскую землю с Карелией, позволяло обладателям Ниеншанца контролировать ситуацию в устье Невы.

И в следующую кампанию — 1705 года — после неудачной попытки шведского корпуса Майделя переправиться на Каменный остров он снова отошел к Ниеншанцу. Здесь было сооружено несколько батарей и оставлен отряд войск. Основные силы двинулись к Шлиссельбургу. Узнав об этом, Брюс снова выступил в район Спасского. На этот раз сухопутные силы подерживали суда, присланные адмиралом Крюсом. 1 июля у Ниеншанца был высажен десант (1 тыс.), состоявший из пехоты и конницы. Шведы за-

жгли в Ниеншанце маяк и напали на нашу конницу, но в результате последовавшего столкновения они вынуждены были отступить. Однако и русский отряд вернулся на левый берег. Вскоре после этого шведские войска отошли к Выборгу⁴. Это был последний случай, когда шведские войска заняли свою разрушенную крепость. В 1707 году генерал Либекер, командовавший новым вторжением в Ингерманландию, не решился атаковать Ниеншанц, где занимал позиции русский сторожевой отряд.

Датский посланник Юст Юль в своих «Записках датского посланника в России при Петре Великом» рассказывает о взрыве укреплений Ниеншанца в декабре 1709 года. Происходило это следующим образом: 16 декабря Петр I присутствовал при закладке линейного корабля «Полтава» в Адмиралтействе. После торжественной церемонии и «доброй выпивки», «царь в сопровождении всех присутствующих поехал за пять верст от Петербурга к месту бывшего Ниеншанца, от которого уцелела часть вала...»⁵ «Туда привезли два пороховых ящика, изобретенных вице-адмиралом Крейцом (Крюсом. — П. С.). Ящики были обвиты веревкою и вообще устроены наподобие тех, что на языке фейерверков называются *Mordslag* (убийство. — П. С.). В каждом заключалось по тысяче фунтов пороха. Такими ящиками предполагалось сбивать валы и стены неприятельских крепостей и взрывать на воздух неприятельские суда. Когда подожгли привезенные ящики, приставив их к остаткам старого вала *Schanter Nie* (Ниеншанца. — П. С.), то они пробили вал наполовину его толщи, причем взрыв был так силен, что в самом Петербурге, за пять верст от места опыта, задрожали окна. Подо мною же, — пишет Юст Юль, — и стоявшими тут зрителями, как от землетрясения, заколебалась земля, а на Неве потрескался лед, так что, когда мы возвращались домой, он во многих местах не мог нас держать, между тем как из Петербурга мы ехали по нему (в безопасности)...»⁶

Приведенное описание свидетельствует о том, что к декабрю 1709 года лишь часть укреплений Ниеншанца сохранилась. Сам же взрыв вала, описанный иностранным посланником, как испытание нового способа взрыва крепостных укреплений, носил скорее пропагандистский характер. И видимо не случайно, во время этого кратковременного посещения Санкт-Петербурга Петр I совместил эти два торжественных мероприятия — закладку корабля «Полтава» и символический взрыв вала старой шведской крепости. Они должны были продемонстрировать присутствующим, в числе которых было много иностранцев, что после победы в Полтавской битве Россия уже стала «ногою твердой» в море.

Позднее, в мае 1710 года, Юст Юль в своих «Записках...» еще раз описал место старого города: «Фортom этим (Ниеншанцем. — П. С.) царь овла-

дел 14 мая 1703 года по старому стилю и затем срыл его. Город и укрепление стояли друг возле друга, но в настоящее время разорены до основания»⁷.

Сведения о разрушении Ниеншанца в описании немецкого анонимного автора, составленном около 1712 года, перекликаются с данными Юста Юля, однако описание содержит и некоторые дополнительные подробности этого события. В нем говорится, что после сооружения Петропавловской фортеции было принято решение о разрушении укреплений старой крепости. Царь «приказал срыть до основания завоеванный в 1703 году шведский Шанцер Ние, или Ниеншанц, с тем чтобы тамошние прежние жители шведского края не могли оказывать какого-либо сопротивления. И он, желая наблюдать это, самолично находился там на расстоянии примерно версты. Когда же все было взорвано, разрушено и сравнено с землей, он приказал в память об этом поставить четыре самых высоких из найденных в этих местах мачтовых дерева, стоящие там по сей день»⁸.

Существует мнение, что установка мачтовых деревьев, символизирующих четыре российских моря, относится ко времени празднования годовщины победы Полтавской битвы в 1710 году. Это объясняется тем, что упомянуты они только у автора, посетившего Петербург около 1710–1711 годов⁹. Но как видно из этого описания, в него включены разновременные сведения. Был ли это случай, описанный Юстом Юлем, или другой — неясно. Но более поздних сообщений о взрыве укреплений Ниеншанца неизвестно. Поэтому не исключено, что установка мачтовых деревьев могла происходить одновременно с разрушением крепости ранее. Как видно из гравированных изображений празднований падения Ниеншанца в 1704 году, уже тогда существовала аллегорическое обозначение закрепления России на четырех морях¹⁰.

Разбор укреплений крепости нашел отражение и в работе французского путешественника де ла Мотре, отмечавшего использование строительных материалов из Ниеншанца при сооружении Петропавловской крепости¹¹. Известно, что валы шведской крепости были земляными. Но в их основании могли быть заложены укрепляющие каменные кладки. Помимо этого, крепостные постройки и внутривальные сооружения также могли быть сделаны из камня и кирпича. Вспомним случайные находки здесь подземных сооружений из кирпича и бутового камня, а также обнаруженные во время археологических раскопок вымостки из известковой плиты и значительное скопление бульжника.

То же самое можно сказать и о сгоревшем деревянном городе Ниене. Сообщение современников о том, что город был превращен в пепел, также

следует рассматривать как образное выражение. Здесь также, вне всякого сомнения, имелись и камень, и кирпич, использовавшиеся по крайней мере для фундаментов зданий, печей и уличного мощения. В рукописи «О зачатии и здании царствующего града Санкт-Петербурга» говорится о том, что, когда встал вопрос о строительстве первого домика Петра на Петербургском острове, «Меншиков предлагал его царскому величеству в Канецких слободах от пожара многие дома в остатке, строены по архитектуре из лесу брусавого, не соизволит ли перевезть и построить дворец». Не исключено, что домик Петра и представляет собой один из домов города Ниена¹².

По образному выражению ганноверского посланника Вебера, к 1714 году от Ниеншанца уже не осталось ни единого камня¹³. Он уже не нашел здесь следов укреплений, кроме крепостного рва, колодцев и погребов. Ему сообщили, что развалины Ниена с предместьем послужили материалом для строения новой столицы. К примеру, имеются сведения, что из строительных материалов города в устье Охты строили дом государственного канцлера Г. И. Головкина на Петровской набережной, у домика Петра.

Историки называют различные даты разрушения шведской крепости. Среди них: 6 мая, 16 мая, 29 июня, середина сентября 1703 года. Наиболее вероятное время дефортификации Ниеншанца определяется военно-политическими обстоятельствами — временем между 7 мая и 5 ноября 1704 года, когда была построена крепость Кроншлот, и не позднее закладки Адмиралтейства¹⁴.

Документы, которые могли бы уточнить время и обстоятельства разрушения Ниеншанца, к сожалению, пока неизвестны. Но существуют достаточно подробные косвенные свидетельства на эту тему. В одном из писем первого коменданта Петербургской крепости К. Э. Ренне, датированном 18 января 1704 года, имеются такие сведения¹⁵. В нем сообщается о некой деятельности в районе Шлотбурга и вывозе из него провианта с августа 1703 по январь 1704 года. Содержится сообщение очевидца, посетившего это место 5 января 1704 года: «...и тот город розрыт», а также говорится о том, что работы здесь завершены. На основании этого сообщения можно предполагать, что активные работы по дефортификации Ниеншанца велись со второй половины августа 1703 года до начала января 1704 года. Судя по всему, участие в этом принимали солдаты и служилые люди, призванные на работы в Петербурге. Начало этих работ следует связывать с завершением строительства земляных укреплений Петропавловской крепости, а оконча-

ние — с наступлением холодов и промерзанием грунта. Вероятно, все это время часть русских войск стояла в районе устья Охты.

Сообщение о том, что Шлотбург «розрыт», нельзя понимать буквально. Полное уничтожение крепостных укреплений — валов и рвов — требовало значительных усилий и большого количества людей. Учитывая, что в это же время велись масштабные работы по строительству Петербурга и продолжались военные действия в его окрестностях и на соседних территориях, такие работы не были оправданны. Вероятно, речь здесь не может идти о полном уничтожении укреплений, существование остатков которых подтверждается более поздними историческими и археологическими свидетельствами. Однако, учитывая неоднократные попытки шведов вновь воспользоваться ими при нападениях на Петербург в 1704–1708 годах, следует полагать, что работы по их разрушению, сделавшие их малопригодными для защиты, были проведены.

В ситуации, сложившейся после падения Ниеншанца и основания Петербурга, русское командование вряд ли могло быть настолько беспечным, чтобы оставить в своем тылу, в досягаемости противника, находившегося на Карельском перешейке, примерно в одном дне пути от устья Охты, незащищенную крепость. Стало быть, ее нужно было либо охранять, либо сделать непригодной для обороны. Но сил для того, чтобы оборонять две крепости одновременно, вероятно, было недостаточно, учитывая тот факт, что Ниеншанц находился на другом берегу Невы, а постоянные переправы отсутствовали. Согласно описанию военных действий 1704–1705 годов в Ниеншанце не было постоянного русского гарнизона. Оставленные здесь в 1705 году в дозоре запорожцы, конечно, не могли защитить крепость от значительных сил неприятеля. Но и противник не смог воспользоваться старыми укреплениями. Поэтому частичное их разрушение следует относить уже ко времени завершения основных работ по строительству новой — Петропавловской — крепости и перемещения лагеря русских войск к устью Невы, то есть ко времени не позднее конца 1703 года. Об этом же свидетельствует тот факт, что шведские войска так и не смогли закрепиться здесь во время своих рейдов 1704–1708 годов.

Археологические раскопки Ниеншанца в 2006–2009 годах показали, что рвы Ниеншанца с южной, восточной и северной сторон крепости были лишь частично — примерно на 10–20 % — засыпаны в XVIII веке. Основная засыпка проводилась уже в XIX столетии и связана была, вероятно, со строительством здесь Охтинской верфи начиная с 1808 года.

В «Истории Петра Великого» Феофана Прокоповича по этому поводу сообщается: «Канцы до основания разорены, один только болверк цел, оставивше на память фортеции, там бывшей»¹⁶. Очевидно, что речь идет о мемориальном сохранении части крепости, выведенной из строя. Решение о мемориализации Ниеншанца мог принять только Петр Великий. Этот же один бастион упоминается и в ходе военных действий, происходивших после взятия Ниеншанца¹⁷. Вероятно, русскими был оставлен один из бастионов, обращенных в сторону Охты, позволявший наблюдать за Выборгской дорогой, по которой мог появиться неприятель, и контролировать подходы к мысу с напольной стороны. Возможно, это был Карлов бастион, занимавший удобную позицию с напольной стороны мыса.

Складывается впечатление, что Ниеншанц уже в Петровское время был почти полностью разрушен. Однако это не так. В 1749–1751 годах известный историк города А. И. Богданов в своем «Описании Санкт-Петербурга» называет руины Ниеншанца в числе главных памятников старины, связанных с боевой славой русского оружия и с основателем Северной столицы, которые необходимо сохранить для потомков. Он с сожалением отмечал, что Петербург «весь есть новый, а древностями или какими старинными знаками показаться пред прочими старинными государствами и городами, аки краинии в том себе недостаток имеющи». Понимая важное значение исторических памятников, он предлагал «некоторые не старые, но весьма знатные и достопамятные вещи, которые аки бы нарочно для его оные родилися», хранить. В этом проявляется политика по отношению к древностям, завещанная потомкам Петром Великим. Первыми в ряду «антиквитетов» — памятников старины, связанных с возникновением Северной столицы и ее основателем, — стоят: «Шведская крепость Канцы, которая взята была 1703-го году; оной вид и поныне явственно зрится»¹⁸.

Другой историк — А. И. Гиппинг — писал об этом в первой половине XIX столетия: «...даже в настоящее время видны развалины его (Ниеншанца. — П. С.), и желательно, чтобы совершенное уничтожение впредь не было, как до сих пор, предоставлено произволу частных лиц, ибо, глядя на них, каждый любитель древности углубится в тот век, когда берега Невы на большей части еще не были обстроены, они напомним, что падение Ниеншанца было причиною основания другого города, новой крепости, которой нынче гордится Россия, где пребывает самодержец всей империи, где сотни тысяч людей благословляют того, кто по завоевании Ниеншанца и Невы своим творческим гением вознес Россию на ту степень могущества

и славы, которую она ныне занимает в системе европейских государств. Ниеншанц навсегда останется в памяти потомства...»¹⁹ Здесь вновь подчеркивается неразрывная связь Ниеншанца с Санкт-Петербургом.

Следы крепостных укреплений на мысу между Невой и Охтой можно проследить на картах Петербурга XVIII–XIX веков вплоть до начала нашего столетия. Так, на плане 1808 года еще изображены все валы и бастионы крепости, но уже без рavelинов. В 1828 году очертания крепости, на месте которой была сооружена верфь, отчетливо прослеживаются в рельефе местности.

Сохранявшиеся здесь остатки крепостных бастионов и рвов диктовали свои условия в расположении построек Охтинской верфи. Пять ее зданий, располагавшихся веерообразно в восточном, южном и западном направлениях по отношению к центру, находились внутри руин цитадели, повторяя в плане ее общую конфигурацию. Судя по плану 1828 года, в наилучшей степени сохранились крепостные валы, обращенные к Неве. На месте бастионов, сориентированных в сторону стрелки и реки Охты, в то время уже существовали постройки.

Канал прорытый из Невы к южным сооружениям верфи строился с использованием углубления южного участка рва, окружавшего цитадель. А северо-западный его участок был использован для сооружения эллинга, где на воду спускались вновь построенные суда. При возвращении верфи в казну в 1912 году в записке комиссии, созданной по этому поводу, отмечалось: «...по всей территории завода остались овраги и ямы, заваленные мусором и грязью <...> заметны следы старых укреплений и на том месте, где должен был быть Мортонев эллинг, остался нетронутым глубокий овраг».

В двухсотую годовщину падения Ниеншанца некоторые его следы еще сохранялись на поверхности земли. Описание их дошло до нас в популярном изложении автора газетной статьи, побывавшего на этом месте в мае 1903 года. Тогдашнее руководство верфи поведало ему о находках многочисленных черепов, простреленных пулями, а также обломка шпаги с эфесом в виде сердца. На поверхности еще можно было наблюдать остатки оборонительных валов, рвы, вымощенные камнем, с торчащими из них сваями и кладки из кирпича. Свои впечатления от увиденного автор статьи выразил следующим образом: «Идея Петра Великого осуществилась — на месте неприятельской крепости строят корабли. Но не жалко ли, что уничтожены старые памятники петровских побед, что Ниеншанц стал грудой разбитых кирпичей, ничего не сохранив из своего славного прошлого. Мы не умеем оберегать исторические памятники наши <...> Слава Ландскроны и Ниеншанца исчезла, от нее остался только фабричный дым»²⁰.

Остатки валов и рвов крепости сохранялись на Охте вплоть до середины XX века и полностью исчезли из городского ландшафта Петербурга только со строительством новых корпусов «Петрозавода» в 1970-е годы.

Можно ли считать, что гибель Ниеншанца как историко-ландшафтного памятника была предопределена политическими соображениями? Это, конечно, было одной из причин того, что археологические исследования здесь и связанные с ними работы по подготовке охранной документации начались только в 1990-е годы. Однако помимо Ниеншанца до последнего времени не предпринимались меры и по сохранению других исторических объектов, связанных уже непосредственно с Петром I и **утверждением России на Балтике**, в частности по сохранению малых крепостей на южном берегу Невы: в Усть-Ижоре, Корчмине и Усть-Тосне, которые также причислялись А. И. Богдновым к памятникам, связанным с петровскими победами. Поэтому можно говорить о том, что Ниеншанц как памятник истории был предан забвению по целому ряду причин, в числе которых можно назвать скептицизм по отношению к сохранности памятников археологии в условиях городской среды и неразвитость охранного законодательства.

К концу XX века считалось, что на историческом месте ничего не сохранилось. Поэтому даже когда в 1970–1980-х годах здесь велось строительство новых корпусов «Петрозавода», никто не отслеживал проводившиеся здесь земляные работы.

Археологическое изучение территории в устье реки Охты было начато по нашей инициативе в 1992–1993 годах. С помощью исторических планов удалось определить территорию, которую занимали город Ниен с крепостью Ниеншанц, и ориентировочное местоположение главных городских объектов. Разведочные археологические раскопки, проведенные в этой зоне, открыли в районе Красногвардейской площади сохранившиеся участки культурного слоя XIV–XVII веков и могильник позднесредневекового времени, расположенный на левом берегу Охты. Охранная документация на памятник была подготовлена уже в 1998 году. Однако только в 2001 году по результатам этих работ на государственную охрану были поставлены два выявленных археологических объекта — «Ниеншанц (Охта 1)» в границах Красногвардейская площадь, 2 (между рекой Невой и левым берегом устья реки Охты), и «Центральная часть города Ниена (Охта 2)» в границах: Конторская улица, Среднеохтинский проспект, Красногвардейская площадь, левый берег реки Охта²¹.

Распоряжением председателя Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-

Петербурга № 2 от 24 декабря 2001 года были определены временные границы зон участков исторического культурного слоя центральных районов Санкт-Петербурга. Охранная зона «Устье реки Охта» объединила два вновь выявленных памятника истории и культуры: «Ниеншанц (Охта 1)» и «Центральная часть города Ниена (Охта 2)».

В состав зоны входят территории гнезд поселений и могильника позднесредневекового периода, Невского городка, центральной части города Ниена с двумя храмами и некрополями XVII века, крепостей Ландскрона, Ниеншанца и полей битв при них, двух храмов и некрополя XVIII века. В 2000–2003 годах Северо-Западным научно-исследовательским институтом культурного и природного наследия при поддержке меценатов на месте Ниеншанца был сооружен памятный знак и учрежден небольшой историко-археологический музей «700 лет — Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц». Мемориализация этого места и превращение его в центр предистории Санкт-Петербурга развивались по нарастающей.

Однако в 2006 году этот процесс был приостановлен в связи с планами крупномасштабного строительства на этой территории. «Петрозавод» был выкуплен компанией «Газпром-нефть», в планы которой входило строительство здесь общественно-делового центра «Охта» с 400-метровым небоскребом. Согласно проекту, помимо закладки фундаментов зданий на всей территории мыса предполагалось общее заглубление до 12 м для строительства многоуровневых подземных парковок.

Охранные археологические раскопки на Охтинском мысу, проводившиеся в 2006–2010 годах, были необходимым условием проведения здесь строительных работ и поэтому финансировались инвестором. В процессе охранных археологических раскопок Санкт-Петербургской археологической экспедиции Северо-Западного научно-исследовательского института культурного и природного наследия, Института истории материальной культуры РАН в 2006–2009 годах на территории объекта культурного наследия «Крепость Ниеншанц (Охта 1)» и предполагаемого строительства центра «Охта» на средства ЗАО «Общественно-деловой центр “Охта”» была раскопана территория объекта общей площадью около 30 тыс. кв. м. Как показали раскопки широкими площадями, заводские сооружения XIX–XX веков в основном повредили культурные напластования лишь в верхней части. На территории раскопок были выявлены следующие объекты, обладающие признаками объектов культурного наследия: 1) поселения эпохи неолита и раннего металла; 2) мысовое городище; 3) крепость Ландскрона; 4) крепость Ниеншанц; 5) позднесредневековый могильник.

Архитектурные части фортификационных сооружений крепости Ниеншанц включают рвы и остатки валов двух периодов строительства — первой и второй половины XVII века — общей площадью около 30 тыс. кв. м, протяженностью около 215 м. Рвы, облицованные дерновыми кладками со срубными конструкциями в основании, имеют ширину до 28 м и сохраняются на местности на глубину до 4 м. Обнаружены также остатки одной каменной и трех деревянных построек. Фундаменты и булыжное мощение пола каменной постройки сохранились на площади 10×10 м. В центральной части крепости обнаружены деревянные сооружения: колодец размерами 3×3×4 м и хозяйственная постройка размерами 4×4×3 м.

В процессе раскопок также были выявлены массовые перезахоронения человеческих останков (около 300 человек), засыпанные во рвах Ландскроны при строительстве Ниеншанца. На левом берегу реки Охты было раскопано позднесредневековое кладбище XVI — начала XVII века, в котором на площади 1200 кв. м были исследованы погребения.

Помимо археологических культурных слоев здесь были выявлены хорошо сохранившиеся части фортификационных сооружений — рвы мысового городища, Ландскроны XIII века и Ниеншанца XVII века, обладающие признаками объектов культурного наследия: остатки фортификационных сооружений (городищ), «содержащие информацию об исторической планировке фортификационных сооружений различных периодов», которые согласно Закону РФ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов РФ» должны быть сохранены в процессе хозяйственного освоения этой территории.

Выявленные в процессе раскопок 2006–2009 годов архитектурные фортификационные сооружения сохраняются на месте их обнаружения после их временной консервации путем обратной засыпки. Рекомендуемые методы сохранения: 1) сохранение планиграфии выявленных фортификационных сооружений на местности; 2) сохранение конструктивных особенностей котлованов рвов и валов на местности в качестве ландшафтных объектов путем музеефикации или обратной засыпки; 3) сохранение деревянных объектов: извлечение из грунта, консервация и музеефикация.

Информация о выявлении этих объектов была направлена в органы охраны памятников²², однако до настоящего времени окончательное решение по их сохранению не принято. В 2009 году специалистами Санкт-Петербургской археологической экспедиции был сделан вывод о необходимости сохранения всех этих объектов, а следовательно, о невозможности строительства на этой территории, после чего она была отстранена от раскопок на Охтинском мысу.

Несмотря на сделанные ранее выводы, завершить археологические раскопки на всей территории предполагаемого строительства в рекордно короткие сроки (6 месяцев) и обеспечить возможность строительства общественно-делового центра «Охта» по согласованию с Росохранкультурой взялось руководство Института истории материальной культуры РАН. В результате этих работ на периферийных участках мыса был изучен участок территории площадью 17 тыс. кв. м и в его составе — около 4 тыс. кв. м неолитического культурного слоя. В 2010 году по результатам этих работ, ОДЦ «Охта», ИИМК РАН и органами охраны памятников было предложено сохранить фрагмент укреплений Ниеншанца — хорошо сохранившийся участок Карлова бастиона. При этом все остальные участки фортификаций исторических крепостей на площади исследования ИИМК РАН были скрыты, такая же участь была уготовлена остальной территории памятника, раскопанной и законсервированной ранее Санкт-Петербургской археологической экспедицией. Однако реализация этого решения входит в противоречие с действующим законодательством по охране объектов культурного наследия.

В результате протестов общественности в 2011 году было принято решение о переносе строительства небоскреба, однако планы застройки Охтинского мыса, угрожающие сохранности археологических памятников, сохраняются.

В результате раскопок на Охтинском мысу была получена новая научная информация по истории Приневского региона (предыстории Петербурга) и собрана ценная коллекция артефактов IV тыс. до н. э. — XVII века, позволяющая поставить вопрос о создании Археологического музея Петербурга. Учитывая уникальность выявленных объектов и их значимость для истории Петербурга, России и Европы, необходимо предусмотреть их дальнейшее сохранение. Наилучшим вариантом сохранения выявленных сооружений стало бы создание здесь ландшафтного археологического музея-заповедника, в котором можно было бы под открытым небом демонстрировать остатки четырех исторических крепостей.

* * *

¹ Сорокин П. Е. Ландскрона, Невское устье, Ниеншанц. СПб., 2001. С. 54.

² Там же. С. 79–80.

³ Тимченко-Рубан Г. И. Первые годы Петербурга. Военно-исторический очерк. СПб., 1901. С. 111–114.

- ⁴ Там же. С. 141.
- ⁵ Записки датского посланника Юста Юля. СПб., 1899. С. 103–104.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же.
- ⁸ *Беснятых Ю. Н.* Петербург Петра I в иностранных описаниях. Л., 1991. С. 56.
- ⁹ *Приамурский Г. Г.* Санкт-Петербург и судьба Ниеншанца // Шведы на берегах Невы. Стокгольм, 1998. С. 49.
- ¹⁰ *Сорокин П. Е.* Указ. соч. С. 90–93.
- ¹¹ *Беснятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 212.
- ¹² *Сорокин П. Е.* Указ. соч. С. 96.
- ¹³ *Беснятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 107.
- ¹⁴ Там же. С. 44–45.
- ¹⁵ Архив СПбИИ РАН. Ф. 83. Оп. 1. Д. 96. «Любезное сообщение историка Екатерины Андреевой».
- ¹⁶ *Беснятых Ю. Н.* Указ. соч. С. 256.
- ¹⁷ *Тимченко-Рубан Г. И.* Указ. соч. С. 86.
- ¹⁸ *Богданов А. И.* Описание Санкт-Петербурга. СПб., 1997. С. 238–240.
- ¹⁹ *Гиппинг А. И.* Нева и Ниеншанц. Т. 2. С. 180–181.
- ²⁰ Петербургский листок. № 125. Прибавление № 19. С. 166–167.
- ²¹ Памятники истории и культуры Санкт-Петербурга. СПб., 2005. С. 239.
- ²² Комитет по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Санкт-Петербурга и Росохранкультура.